ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЕВРОАЗИАТСКИЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ КУЛЬТУРЫ

Под редакцией д-ра филол. наук О.Б. Лебедевой

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

А.Н. Губайдуллина

Образ Дон Кихота в рецепции И. Жданова

Дон Кихот, образ, обладающий магической притягательностью для литературы XX в. и присутствующий в русской поэзии всего столетия как ролевая маска или как элемент культурной памяти, неоднократно становился объектом не только поэтической, но и философской рефлексии.

В 1905 г. Вяч. Иванов в работе «Кризис индивидуализма. К трехвековой годовщине Дон Кихота» осмыслял трагедию самоутверждающейся личности, противопоставляя «соборность» индивидуализму. Дон Кихот и Гамлет становятся предельным выражением обособленности личности: «<...> с такой глубиной и исчерпывающей полнотой индивидуализм еще не говорил о своих внутренних законах, с такой неподкупностью не очертил себе сам круг своей правды и не отграничил ее от неизбежной своей неправды»[1]. Дон Кихот в интерпретации Вяч. Иванова – поборник нравственного миропорядка, но при этом раскольник и отщепенец, так как он привнес в индивидуализм «дерзновение противопоставить действительности истину своего мироутверждения»[2]. Дон Кихот не приемлет этого мира, борется с ним и одновременно отрицает его. Напротив, Х. Ортега-и-Гассет в «Размышлениях о Дон Кихоте» (1914) рассматривал роман Сервантеса как последний оплот мифологического мышления, а литературная новизна «Дон Кихота» видится ему в возможности «возвести современную действительность в ранг поэтического»[3].

Ю. Айхенвальд, обобщая опыт «встреч» русских писателей с Рыцарем Печального Образа, писал, что Дон Кихот «на русской почве» представлен двояко: персонажами, выполненными «по образу и подобию», архетипу (герой «Путешествия из Петербурга в Москву», князь Мышкин), и идеей донкихотства, наполнение которой менялось в разные периоды русской литературы. Айхенвальд предложил ввести в русский лексикон термин «кихотизм», обозначающий «надежду на собственное личное действие», «веру в победу Добра, ни на чем не основанную», «священное безумие»[4]. «Кихотизм» – это русский духовный опыт, и русский национальный предтеча Дон Кихота – это Иванушка-дурачок, нетерпимый к любой несправедливости и не испытывающий гнета здравого смысла.

---

[1] *Иванов В.И.* Кризис индивидуализма // Иванов В.И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 21.

[2] Там же. С. 20.

[3] *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С.130.

[4] *Айхенвальд Ю.* Дон Кихот на русской почве. Москва; Минск, 1996. Ч. 1. С. 16.

В конце XX в. в поэзии И. Жданова идея донкихотства обрела новое толкование и образное воплощение, исходящее из поэтической модели мира, названной метареализмом. По мнению М. Эпштейна, образ в творчестве метареалистов возродился «в его архетипическом значении, как проникновение – сквозь толщи культурных напластований – к мифологической праоснове»[5]. Образ рыцаря в стихотворении «По поводу Дон-Кихота»[6] у Жданова становится биполярным, современное сознание трансформирует мифологический образ, демонстрируя его несостоятельность в конце XX в. и одновременно оспоривая отвержение донкихотства в современном мире, развенчивающем мифы по критериям результата, победы.

Жданов вводит в стихотворение ключевые приметы, апеллирующие к сюжету романа: имя (Кехана), «лоханка» (таз цирюльника, служащий рыцарю шлемом), «крылья мельниц», «лес горящий». Ждановский Дон-Кихот обладает личной историей, за ним тянется «шлейф» прошлого существования, в частности заслуженная слава; герой одинок, он видит действительность «в искаженной форме своих представлений о ней» (Ю. Айхенвальд), его борьба с реальностью неэффективна. Жданов наделяет образ чертами детскости («до детской косточки раздетый // и детством сущий»), театральности («но не сыграть твоей личиной // других комедий»), создавая существование героя вне времени («избавлен от земного плена // подземным пленом»). Эти свойства личности и способ жизни равно демифологизируются и утверждаются поэтом.

Стихотворение выдержано в тонах одического восхваления ушедшего героя: это прощание с рыцарем («Прощай, идальго Ламаханский...») как современной эпохи, так и автора стихотворения, продукта и одновременно антипода своего времени. Жданов придерживается торжественного тона, высокого стиля, но в первой и в двух последних строфах он снижается ироническими определениями («лоханка», «тыква пучеглазая», «личина», «комедия»). Если основная часть стихотворения открывает величие странствующего рыцаря, то в первой и последней строфах пафос героизма сменяется горечью разочарования («отбой победе», «не сыграть <...> других комедий»). В первой строфе Дон-Кихот – анахронизм, он ушел в небытие; в следующих строфах о его жизни говорится как об актуальной, продолжающейся сейчас; в конце стихотворения тема несостоятельности сталкивается с темой внутренней неподменности. Дон-Кихот у Жданова обречен на поражение, но он не может быть победителем, потому что не может принять

[5] *Эпштейн М.* Парадоксы новизны. М., 1998. С. 161.

[6] См.: *Жданов И.* Избранное. Киев, 2004. С. 150-151.

методы победителей. В ждановском стихотворении выражена трагичность неизбежного поражения идеализма.

Жданов интерпретирует Дон-Кихота как принадлежащего двум сферам бытия: фантазер, смешной в зримой реальности, он той же фантазией приближен к сущности жизни: «На голове твоей лоханка // из Божьей меди». Даже если реальный носитель рыцарства не вызывает доверия, профанирует идеал собой и атрибутами своей реальной жизни, то источник его побуждений принципиально божественен, подвиги инспирированы свыше. Но высшая воля у современного поэта не есть абсолют («бог из машины»), она сама амбивалентна, провокационна: с одной стороны, укрощает, но не уничтожает демонов («одеты демоны овчиной»), с другой стороны, «с тобой играет в кости <...> или заманивает в гости». Тогда как абсолют обретается на земле («споткнись, – и камень безусловный возникнет сразу») или даже в глубине земли, если земная жизнь – это прах («избавлен от земного плена // подземным пленом, // ты смахиваешь пыль с колена // пред поклоненьем»). Двойственность образа сохраняется в рефлексии славы Дон-Кихота, она одновременно и унизительна (он ею «по щекам отхлестан»), и подлинна, она не может быть повторена, имитирована («<...> не сыграть твоей личиной // других комедий»). Эпоха авторской современности воспринимает Дон-Кихота и как персонажа прошлой «комедии», и как современника. Его движение передано как маршевое шествие, в котором происходит сбой, потому что «левая» нога (революционная, радикальная) побеждает правую (близкую правде): «Одной из ног левее правой // неровным шагом» (перифраз девиза из «Левого марша» В. Маяковского). «Флаг», символ победы, становится символом победы, унижающей бытие («ветер исхлестан флагом»). В конце стихотворения в качестве смертоносного препятствия мнимо победоносному шествию возникает «пехотная мина». Поэтому в воспевании Дон-Кихота Жданов отвергает воспевание его как борца, а в идеале самого Кихота – его воспевание битв: «*И битвам,* битвами воспетый, // *хвалу поющий…»).*

Во 2–4-й строфах Дон-Кихот изображен как мифотворец, сильный исключительно верой в свой вымысел. В сознании современного человека безусловность должна корректироваться реальностью, и тогда идея, провоцировавшая действие, проверится камнем преткновения: «Ты поскользнись, – и лед неровный // предстанет глазу, // споткнись, – и камень безусловный // возникнет сразу». Действие для Дон-Кихота становится важнее побудительного мотива, заранее принята правота и обоснованность любого деяния, и это отделяет героя в роли символа от героя как лирического субъекта. Как и «самосветящаяся зараза единоверия», которая, с одной стороны, делает неподкупным, а с другой – по-

зволяет манипулировать собой: «не сыграть твоей личиной» – «заманивает в гости // бог из машины» (вместо Бога).

Герой хочет творить внешний мир фантазией, но реальность дает превращения, обратные сказочным: лоханка вместо шлема, тыква пучеглазая вместо колесницы победителя (здесь есть игра с традиционным имиджем героя – свечка внутри, а извне он подобен тыкве, долженствующей напоминать скорее Санчо Пансу). Дон-Кихот – это ребенок-завоеватель, способный поверить в правоту, в вымысел, но не способный отстоять их перед объективностью бытия: в битве с мельницами ломаются не только копья, но и горящий лес, лес, переходящий «в прах осенний», как и сам постаревший Дон-Кихот, «в прах осенний <...> переселенец», «до <...> косточки раздетый». Смерть спасает его от плена земных иллюзий («избавлен от земного плена // подземным пленом»).

Дон-Кихот как герой пытался преодолеть действительность, не мог отказаться от своей роли, и реальность, превращая подвиги героя в комедию, мстит герою, повергая его, подобно лесу, листопаду, превращая в прах. Буквы текста, зафиксировавшего фантазии героя, кажутся «волками в овечьей шкуре»: «Одеты демоны овчиной: Аз, Буки, Веди». Замысел героя не просто разрушается реальностью, но демонически коварен для борца с реальностью. Очевидна здесь саморефлексия автора, размышляющего об опасности ухода в выдуманный мир, который в тексте (в буквах) принимает личины реальности, играет «комедию» вместо трагедии реального бессилия изменить реальность. Герой с автором в последней строфе уравниваются как «заманиваемые в гости богом из машины», т.е. мнимой силой, разрешающей все противоречия.

Но стихотворение Жданова не отмечено позитивистским отношением к реальности. Главная фраза стихотворения, пожалуй, это «избавлен от земного плена // подземным пленом». В ней сосредоточена идея преодоления не только иллюзий, но и обыденности. Человек, по Жданову, не может достичь свободы, он в любом случае «пленен», но он может выбирать «сферу пленения»: принадлежать фантазии, быту или бытию. Не случайно Дон-Кихот изображен верующим не в единого Бога, а единую истину («из Божьей меди» – реквизит веры, таз; «хвалу поет» битвам, потому что «воспет битвами»; он «единоверец», подобный «тыкве пучеглазой со свечкой в сердце», одержимый идеей, заставляющей и окружающих поверить фантазии (поэтому «заразной»). «Самосветящаяся», «пучеглазая тыква» – образ чучела веры, истукана, ложного кумира. Поэт оставляет неразгаданной загадку подлинности бытия: либо мир создан по высшему замыслу, либо он вновь и вновь создается фантазией, является игрой воображения, либо он существует на недоступных воле человека, но и не идеальных основаниях. Мифологическая модель мира как вечного превращения, лишенного логоса (есть

только буквы) и обрекающего на «комедию» замыслы людей, доминирует в стихотворении Жданова. Поэтому Бог в конце стихотворения – это не единственная высшая сила, а партнер любого субъекта, в том числе и рыцарей, по «игре», персонаж театральной постановки. И лишь перед смертью, спасительной для «героев» как возможность выйти из иллюзий, открывается неразрешимая загадка бытия, перед которой смешны самые идеальные побуждения.

Таким образом, главной проблемой ждановского стихотворения является проблема реальности и творчества: мир – творение или самотворение; природа и творчество – онтологически разные или тождественные проявления бытия. Человек пытается повлиять на мир и пересоздать его в соответствии с собственным замыслом, но торжествует скрытая сила, определяющая человеческую жизнь.